

Прочтите три странички маленького шедевра Максима Горького «Как сложили песню». В самом деле — как? Автор прежде всего вводит нас в ту атмосферу, в которой будут действовать его героини, создает определенную настроенность души; женщины обсуждают письмо, полученное одной из них: «...бывало — гложешь, слепнешь в злой тоске по своей-то стороне», а потом, дальше-больше нагнетается горе: «...батюшка в пожаре сгорел пьяный, дядя — холерой помер, были братья... всех будто половодьем смыло с земли...»

В их беседе и в рождении песни как бы участвует сама природа — красноватым солнцем в лучах заката, стеклянным кварцем лягушек, медным плеском колоколов, а вокруг «тишина, поглощающая все, как смерть...» Такое душевное напряжение требует выхода.

— Песню сложили! И — складывают. «Селят бархатом душевные слова», а «ворона неподвижно... следит за мельканьем ласточек... а стоны лягушек еще звучней, и тишина гуще...» Женщины — спели, потому что не могли не спеть. Все настроивало на песню. И хоть она и была не из очень веселых — облегчила им души, сняла с сердца гнет. Они имели на душе ЧТО сказать, потом уж родилась форма КАК сказать, каким порядком и на какой голос напевать слова. Хорошая песня не может родиться из ничего.

А вот «Певцы» И. С. Тургенева. Первым запел высочайшим фальцетом рыбак. «Голос у него был довольно приятный и сладкий... он играл и вилял этим голосом, как юлой... беспрестанно возвращался к верхним нотам, которые выдерживал и вытягивал с особенным старанием, умолкал и потом вдруг подхватывал прежний напев с какой-то залихватской, заносистой удалью... не возбуждая слишком сильного сочувствия в своих слушателях...» Потом совсем завихрился и уж начал такие отдаленные завитушки, так зашелкал и забарабанил языком, так неистово заиграл горлом, что, казалось, победа будет за ним.

Но вот выступил вперед Яшка-Турок. «Его лицо изобличало человека впечатлительного и страстного». Он «был по душе — художник во всех смыслах этого слова... Полагалась... песня. «Не одна во поле дороженька пролежала...» В голосе его была «...и неподдельная глубокая страсть, и молодость, и сила, и сладость, и какая-то увлекательная бесцельная, грустная скорбь. Русская, правдивая, горячая душа звучала и дышала в нем, и так и хватала вас за сердце, хватала прямо за его русские струны... Голос его... дрожал, но той едва заметной внутренней дрожью страсти, которая стрелой вонзается в душу слушателя... У меня, я чувствовал, закипала на сердце и поднимались к глазам слезы; глухие, сдержанные рыдания внезапно поразили меня... жена целовальница плакала, прижав грудью к окну... по железному лицу Дикого-Барина, изпод совершенно надувшихся бровей, медленно прокатилась тяжелая слеза...»

Вспомним, что голос-то у Яшки-Турка «был слегка разбит и звенел, как надтреснутый». Тургенев подчеркивает, что сила Яшки-Турка была в богатстве душевных переживаний «художника во всех смыслах этого слова», задушевности «человека впечатлительного и страстного». Пела душа Яшки-Турка. Да, хорошая песня не может родиться из ничего.

Недавно я слышал хорошие слова: «Чтобы песня зазвучала, надо поющую душу иметь». Не знаю автора этих строк, но сказано очень хорошо. Трудно найти такого нашего классика или современного писателя, который не говорил бы о покоряющей силе хорошей песни, а начал я с Горького, так как он точно отвечает моей теме. Греческий миф говорит об Орфее, певнем которого заслушивались горы и доли, зверя и птицы. Подобные мифы есть и у других народов. Или это только у классиков да в «преданиях старины глубокой»? Конечно, верно замечает народ: «Что ни время — то и птицы, что ни птица — то и песни». Так-то оно так, но, подчеркнем, ПЕСНИ, а не суррогат, хлеб, а не лебеда.

Не надо бояться этого слова в жизни и в искусстве. Речь идет не об идеалистической философской концепции. Говорим же мы: «Душа радуется; душа скорбит; душа поет; хватает за душу». Или — «сердце трепещет; сердце обливаешь кровью; сердце замирает от счастья». Эти ощущения знакомы каждому, в особенности художнику-творцу. Переживания человека сказываются на его победившем или развращавшемся лице, искривляясь или потухшим взоре, замедленным или ускоренным дыханием. Все это выражает то или иное душевное состояние человека. «Трепет души» вызывает мгновенное изменение даже в составе крови. И

ИЗ НИЧЕГО ПЕСНЯ

право же, все это имеет прямое отношение к вопросу: «Как создавалась песня?»

Любое творчество, в том числе и создание песни, не может миновать этих процессов, хотя, быть может, автор и не знает об их физической основе. Творчество — явление сложное, требующее напряжения всех сил ума и сердца, не говоря уже о профессиональном мастерстве. Подлинные поэты и композиторы знают это очень хорошо. Созданные ими песни потому и находят благодарный отклик в душах людей.

М УЗЫКА и песня имеют родину. Произведения подлинного искусства всегда несут на себе печать традиций, национальных особенностей, характера народа. Иные из них превратились в международные гимны, иные распеваются в переводах. И это потому, что создавали их поэты, а не рифмоплеты, композиторы, а не халтурщики от музыки, потому что несут эти песни свою значительную тему. И снова напрашивается такое прекрасное емкое слово, как «задушевность», «душа».

Не надо бояться этого слова в жизни и в искусстве. Речь идет не об идеалистической философской концепции. Говорим же мы: «Душа радуется; душа скорбит; душа поет; хватает за душу». Или — «сердце трепещет; сердце обливаешь кровью; сердце замирает от счастья». Эти ощущения знакомы каждому, в особенности художнику-творцу. Переживания человека сказываются на его победившем или развращавшемся лице, искривляясь или потухшим взоре, замедленным или ускоренным дыханием. Все это выражает то или иное душевное состояние человека. «Трепет души» вызывает мгновенное изменение даже в составе крови. И

те живые традиции, которые никогда не могут умереть, потому что в них, в живых традициях, прорастает бессмертное зерно вечного обновления народного гения.

Сейчас у нас в ходу маршевые и танцевальные ритмы — удручающе однообразные. И самые «лирические», и самые «драматические» слова подчас исполняются под музыку, которой аккомпанируют дергающиеся фигуры и шаркающие ноги. Человек остается безучастным к содержанию спетого. Вряд ли здравомыслящий человек станет возражать против танцев, но музыкальная «дешевка» делает и песню, и танец несурезными. Наши хореографы пытаются создавать новые танцы, но все же успех там, где музыка не выходит из стандартных, ритмически неизменных рамок?

Не стану отрицать — много замечательно звучит по радио и телевидению. Это не реверанс перед критическим наскоком. Это желание, чтобы удач было неизмеримо больше. Важное и благородное дело — разучивание, и вообще передача песен в эфир. Но отбирать их надо строже. Они в значительной части все еще однообразны, тугоухи, плохо или совсем не запоминаются. По телевидению часто слышишь посредственные песни. И тут уж не спасают никакие режиссерские ухищрения. Кстати, чрезмерная «постановочность» отвлекает зрителей от самой песни, мешает восприятию и оценке мастерства исполнителя.

Порою передача «Маяка» и «Юности» грешат такой песенной бедностью, которая явно вредит делу. Ну, в самом деле, как можно 20—30 минут подряд без перерыва «прогонять» десяток песен — под какой бы «шапкой» они ни подавались. Во-первых,

они не сводятся лишь к материальной обеспеченности, отсутствию страха перед безработицей, давно завоеванным равным правам и возможностью для девушек и юношей. Молодежь находит свои пути в жизни, широко распахнутыми глазами вглядывается в нее, пробует жизнь на зубок.

Каждый думающий юноша, подобно Гамлету, озабочен судьбами неустоенного мира; и так же готов поклясться, что любит — как не могли бы «сорок тысяч братьев». И в наши дни мы повторяем: «Нет повести печальнее на свете, чем повесть о Ромео и Джульетте»; каждая молодая мать уверена, что со времен праматери Евы никто не перенес таких родовых мук, как она. Все они правы в своих святых чувствах — ведь подобное переживается первый раз в жизни. Бывает и такое — обманутый «фидой», юноша уже готов считать всех девушек недостойными любви, а девушка, обманутая парнем всех других — скотами; есть великая, преданная дружба, но, увы, бывает дружба «преданная и проданная»...

Об этих переживаниях (и многих других) можно говорить без конца — не отмахнувшись от них. Такова живая диалектика жизни.

Любопытная и любознательная, жадная и жаждущая, зоркая и строптивая, молодежь не хочет принимать поверхностного отражения жизни в искусстве, отворачивается от благополучной песенной казенщины, когда в песне все, вроде, на месте, но недостатка в малости — подлинные чувства и мысли в ней помянуты искусственными, надуманными. Велик разрыв между подлинными песенниками и поденщиками, пишущими «на любой колер».

Конечно, песня нужна нам каждодневно. Среди песен, всегда «стоящих на вахте», есть песни отличные, но что толку в этом, если суммарным усилием невзыскательных авторов, издателей, исполнителей и трансляторов хорошее заглушается забивающим ухом плохим. Между плюсом и минусом — вакуум, а так как «свято место пусто не бывает», сюда и устремляются новые якобы «формы» — лишь бы они были отличны от приевшихся, привычно-благополучных.

Часть молодежи, музыкально малограмотная, да и малоопытная в жизни, воспринимает эти вывихи как ультрасовременное искусство, быстро свыкается с ними. Она и не подозревает о том, что уже засасывается в то болото серятины, однообразия и скуки, с протеста против которых начала свой поход, но пришла к тому же — с другого конца, с еще более плачевными результатами. Неразвитый музыкальный слух и незащищенный художественный вкус сползают все ниже и ниже. Если с самого начала доконать их, человек уже не будет способен воспринять здраво ни одной хорошей песни...

«С гитарой под полою» или на плече самодельные певцы перекочевали из узкого круга своих сотоварищей на сцены клубов и дворцов культуры. Они не только выступают, но и устраивают состязания, присуждают друг другу премии. Некоторые из них выезжают на гастроли. Иных, говорят, невозможно заполучить, или же — только «по блату» и за солидное вознаграждение...

С одним таким явлением пришлось познакомиться несколько лет назад, прослушав запись с чей-то перезаписи — большой магнитный ролик, вызывавший восторг их обладателей. Недавно представилась возможность познакомиться с этим явлением ближе. Три часа мы слушали на-

но как понимать, как относиться к этому слову — «самодельность»?

Она определяется не одной лишь тягой и бурным желанием участника кружка, но прежде всего его данными для занятий тем или иным искусством. Что же получается у нас с самодельной песней? Разумеется, петь и подыгрывать себе не возбраняется никому. Ну скажем, у влюбленных «душа поет», и это великое счастье, когда душа поет так, что человек не может удержаться от излияния своих чувств в песне. Но ведь одно дело петь ДЛЯ СЕБЯ, и совсем другое — петь ДЛЯ ВСЕХ, если у человека нет голоса, нет слуха, нет умения аккомпанировать на каком-нибудь инструменте, а люди слушают: ведь это — «самодельность». Поет всяк, поет как угодно, где угодно, когда угодно и сколько угодно. Это уже явление «новейшее». Оно не может не привлечь к себе внимания.

Не надо уподобляться страусу и запрятывать голову под крыло. Надо видеть факты и оценивать их. Это не просто «шумим, братцы, шумим!» Певцов этих многие считают популярными, и они пользуются успехом у какой-то части слушателей.

Почему?

МОЛОДЕЖЬ хочет петь. И хочет песен по-настоящему искренних; песен простых, но не упрощенных; песен задушевных, но не пустых, не безликих, в коих герои человечны не больше, чем марионетки в магазинных тканях; песен интимных, а не сострапанных по шаблонной шпаргалке из «Советов молодой хозяйке» — как интимнее и уютнее обставить квартиру.

Жизнь и думы молодежи не столь стандартны, как иной раз отражаются в песне;

ее «известных» сегодня исполнителей, тупавших с песнями в клубах Новоросска и других городов. Они называются бардами, труверами, менестрелями. Конечно, важно не название, а суть, но, право, нельзя так уж свободно жонглировать ими глубокосодержательными понятиями.

И те, и другие, и третьи выражали душу и чаяния своих народов, являлись их живой памятью, передавая лучшее следующим поколениям, выставя отрицательное посмеяние и осуждение. Они умели вглядываться в жизнь, отличать в ней зерна от плевел, умели владеть стихом, инструментом, голосом для песни. Они беспрерывно, и самостоятельно, оттачивали свое мастерство, потому и преуспевали в этом.

Среди прослушанного нами были песни разные, иные — без таланта, и это надо изнать опять-таки в интересах отделения зерна от плевел. Но подавляющее большинство удручало своим убожеством. Нельзя махнуть от этой истины на том лишь основании, что она не совсем по нутру «бардам» и их поклонникам. Вслед за зачитателями жанра пошли по наслепку и многие уже дорожке многие: кто во чужом, довольно низко. Музыка, как скажут, здесь и не ночевала.

Почти все песни, здесь и не ночевала. Бенчание, много слова не подберешь, на ггаре — на двух, трех аккордах. Почти полное отсутствие голоса. Песня протоваривается хриплым речитативом, а не поется. Мнере исполнения расщипана на «пошлосение» слушателя необычайной формой, разухабистой, как у коверных рыжих в афеволюционном цирке. Порой все это напоминает «певцов» в пригородных поэдах, что в одно время расплодилось по железным дорогам. Песни эти, до удивления похожие друг на друга, отличаются между собой лишь степенью убожества мысли, вариациями мажорно-блатных выражений. Характерно полное отсутствие воображения, фантазии. Если же они и присутствуют, то весьма дурного тона.

Следует ведь отличать бодрость от бодрости. Автор «Туманности Андромеды» метко замечает: «Бодряк, все равно где — в жизни, в кино, в книге, в песне, почему-то

роль критиков — обличителей недостатков. Но они ведь не критикуют, а вертятся вокруг бардами, труверами, менестрелями. Конечно, важно не название, а суть, но, право, нельзя так уж свободно жонглировать ими глубокосодержательными понятиями.

Иные из «бардов» претендуют на высокую роль критиков — обличителей недостатков. Но они ведь не критикуют, а вертятся вокруг бардами, труверами, менестрелями. Конечно, важно не название, а суть, но, право, нельзя так уж свободно жонглировать ими глубокосодержательными понятиями.

Иные из «бардов» претендуют на высокую роль критиков — обличителей недостатков. Но они ведь не критикуют, а вертятся вокруг бардами, труверами, менестрелями. Конечно, важно не название, а суть, но, право, нельзя так уж свободно жонглировать ими глубокосодержательными понятиями.

Иные из «бардов» претендуют на высокую роль критиков — обличителей недостатков. Но они ведь не критикуют, а вертятся вокруг бардами, труверами, менестрелями. Конечно, важно не название, а суть, но, право, нельзя так уж свободно жонглировать ими глубокосодержательными понятиями.

Иные из «бардов» претендуют на высокую роль критиков — обличителей недостатков. Но они ведь не критикуют, а вертятся вокруг бардами, труверами, менестрелями. Конечно, важно не название, а суть, но, право, нельзя так уж свободно жонглировать ими глубокосодержательными понятиями.

Иные из «бардов» претендуют на высокую роль критиков — обличителей недостатков. Но они ведь не критикуют, а вертятся вокруг бардами, труверами, менестрелями. Конечно, важно не название, а суть, но, право, нельзя так уж свободно жонглировать ими глубокосодержательными понятиями.

Иные из «бардов» претендуют на высокую роль критиков — обличителей недостатков. Но они ведь не критикуют, а вертятся вокруг бардами, труверами, менестрелями. Конечно, важно не название, а суть, но, право, нельзя так уж свободно жонглировать ими глубокосодержательными понятиями.

Иные из «бардов» претендуют на высокую роль критиков — обличителей недостатков. Но они ведь не критикуют, а вертятся вокруг бардами, труверами, менестрелями. Конечно, важно не название, а суть, но, право, нельзя так уж свободно жонглировать ими глубокосодержательными понятиями.

Иные из «бардов» претендуют на высокую роль критиков — обличителей недостатков. Но они ведь не критикуют, а вертятся вокруг бардами, труверами, менестрелями. Конечно, важно не название, а суть, но, право, нельзя так уж свободно жонглировать ими глубокосодержательными понятиями.

Иные из «бардов» претендуют на высокую роль критиков — обличителей недостатков. Но они ведь не критикуют, а вертятся вокруг бардами, труверами, менестрелями. Конечно, важно не название, а суть, но, право, нельзя так уж свободно жонглировать ими глубокосодержательными понятиями.

Иные из «бардов» претендуют на высокую роль критиков — обличителей недостатков. Но они ведь не критикуют, а вертятся вокруг бардами, труверами, менестрелями. Конечно, важно не название, а суть, но, право, нельзя так уж свободно жонглировать ими глубокосодержательными понятиями.

Иные из «бардов» претендуют на высокую роль критиков — обличителей недостатков. Но они ведь не критикуют, а вертятся вокруг бардами, труверами, менестрелями. Конечно, важно не название, а суть, но, право, нельзя так уж свободно жонглировать ими глубокосодержательными понятиями.

Иные из «бардов» претендуют на высокую роль критиков — обличителей недостатков. Но они ведь не критикуют, а вертятся вокруг бардами, труверами, менестрелями. Конечно, важно не название, а суть, но, право, нельзя так уж свободно жонглировать ими глубокосодержательными понятиями.

Иные из «бардов» претендуют на высокую роль критиков — обличителей недостатков. Но они ведь не критикуют, а вертятся вокруг бардами, труверами, менестрелями. Конечно, важно не название, а суть, но, право, нельзя так уж свободно жонглировать ими глубокосодержательными понятиями.

Комсомолец правды, Москва, 1968, 28 апр.

Сурен КОЧАРЯН